

Михаил Веселов

ОЗЕРО

Михаил Веселов

Озеро

«Автор»

2025

Веселов М.

Озеро / М. Веселов — «Автор», 2025

У каждого на карте России есть особые точки, наиболее близкие его сердцу и памяти. Есть такое «свое» место и у автора этой книги – озеро Лосевское в Фурмановском районе Ивановской области. Озеро расположено в труднодоступной местности и потому мало изучено. Автор, будучи заядлым рыболовом, рассказывает невыдуманные истории о его природе и красоте. Книга представляет интерес для любителей природы, рыболовов и краеведов.

© Веселов М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Рождение рыбака	6
«Лужа»	9
Озеро. Первая рыбалка.	12
Озеро. Подготовка к новой рыбалке.	16
Озеро. Новая рыбалка	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Михаил Веселов

Озеро

***

Я стою на поляне лесной опушки, прислонившись к шершавому стволу старой березы с крепкой корявой корой. Ее могучее тело, покрытое бесчисленными бороздами и трещинами, источает тоску и печаль. Это не просто дерево, а целая история, вплетенная в ткань времени. Много повидала она на своем веку, о многом могла бы рассказать.

Мы познакомились очень давно. В ту счастливую пору детства, когда жизнь казалась бесконечной, а каждый день был наполнен радостью и новыми открытиями. Когда короткими летними ночами, расположившись под ее раскидистой кроной, в атмосфере необыкновенного тепла и уюта, мы делились историями о приключениях, строили планы на будущее, обсуждали успехи и неудачи, смеялись и мечтали.

Здесь я познавал мир дикой природы – чудесный и неповторимый, прикасался к окутанной тайнами жизни лесного озера, обучался азам будущего рыболовного увлечения.

Все помнит седая береза, ничего не забыла.

Рождение рыбака

Мой папа не был заядлым рыболовом. Однако с тех пор, как недалеко от города прокопали канал, соединивший Волгу с Уводью, пристрастился к рыбалке. Покуда я был слишком мал, меня совсем не интересовали его уловы. Но время шло, и вот однажды я стал совсем взрослым. Мне исполнилось целых шесть лет!

Тем памятным утром, я, еще не отойдя ото сна, пошатываясь и позевывая, пошлепал босыми ногами на кухню, по некрашеному дощатому полу нашей старенькой коммуналки в надежде найти чего-нибудь вкусненькое.

На столе стояла праздничная тарелка с тертой морковкой и мои любимые гренки. Мама вставала рано и всякий раз на завтрак протирала морковь в мелкую терку. Угощая, приговаривала, что витамин А – это витамин роста, и тертая морковка детям очень полезна. А меня и не нужно было уговаривать, я уплетал вкуснейшие мамины завтраки за обе щеки.

Папа только что вернулся с рыбалки. В углу стояли его пахнувшие рекой удочки, а рядом с ними – большое металлическое ведро, в котором, едва поместившись, шевелили жабрами два огромных золотобоких леща.

Нет, никакой жалости к этим красивым умирающим рыбам я не испытывал. Наоборот, где-то глубоко внутри будто что-то щёлкнуло, и включился первобытный инстинкт охотника, который, как оказалось, я пронесу через всю жизнь.

***

Целыми днями я ходил за папой по пятам, умолял и канючил, что в следующий раз тоже хочу поехать с ним. Поначалу он ни в какую не соглашался – дескать, мал еще, сперва подрасти немного. Однако ближе к выходным сдался, но поставил условие: нужно накопать штук тридцать красных червяков (белые не годятся, они не активные, и потому рыба на них ловится плохо).

Я с азартом взялся за дело.

Где-то во дворе отыскал большую суковатую палку и принялся ковырять огородные грядки. Час поисков подарил мне только одного красного червяка да пару десятков белых. Со слезами бросился к бабушке:

– Бабк, папа велел червяков накопать, красных. А их нету-у...

Бабушка взяла лопату, выбрала в огороде самый влажный, тенистый участок и принялась копать. Вскоре выяснилось, что красные червяки в нашем огороде почему-то не водятся...

С той поры прошел не один десяток лет. В моей жизни были сотни или тысячи рыбалок. Но я принципиально не ловил на белых (земляных) червяков. Следуя папиному наказу, всегда запасал только красных.

А папино поручение я, разумеется, провалил. В конце концов он сам где-то раздобыл нужную наживку, и мы отправились рыбачить. На тот самый канал.

***

На дворе стояло беззаботное, теплое лето 1978-го года. К раме старинного велосипеда с диковинными синими номерами специально для меня привинчено детское сиденье. Мы ехали по дороге, по древнему почтовому тракту Нерехта–Шуя, что когда-то проходил через наш город. Дорога была ухабистая, в то время еще не асфальтирована. Бульжник, что устилал когда-то старинный тракт, давно вмяли в грязь огромные карьерные самосвалы, но я совершенно не чувствовал ни ям, ни колдобин. Моим любимым занятием было наблюдать за тем, как крутится переднее колесо нашего велосипеда, а на пыльной дороге остается красивый рисунок его протектора.

Память человеческая – штука ненадежная. И лишь сила детских впечатлений да связанные с ними незабываемые эмоции позволяют мне помнить и всякий раз заново переживать яркие ощущения, вызванные той, самой первой, и последующими поездками.

В семьдесят восьмом году еще жива была деревня Избинское, что стояла почти у самого канала. Вернее, живы были только два огромных тополя да два дома, покрытые дранкой, с уже пустеющими глазницами окон...

Мы расположились у дороги, прямо у самого моста. Папа наживил на крючок огромного красного извивающегося червяка, приладил на вырезанную в придорожном кустарнике рогульку бамбуковую «двухколенку» и велел мне следить за поплавком:

– Как клюет – тащи немедля, Миша.

Большой красный поплавок непрерывно шевелило течением, и я поначалу никак не мог сообразить, что означает «*клюёт*» и когда нужно вытаскивать. Мне приходилось всякий раз спрашивать папу, чтобы он посмотрел и дал свое заключение затейливым поплавочным пляскам. Папа пояснял, что равномерное шевеление поплавка вызвано естественными причинами, а поклевка рыбы будет выглядеть иначе, что ее нужно просто дожидаться, и тогда все станет ясно.

Вдруг поплавок как-то не в такт зашевелился и, прежде чем я смог что-то сообразить, резко нырнул под воду.

– Миша, вытаскивай скорее! Разве не видишь? Клюет!! – закричал папа.

Я схватил двумя руками удилище и со всего маху, со всей своей ребячьей силой перекинул ошалевшего окунька–недомерка через себя, прямо в дорожную пыль.

– С почином, Миша. Вот и первая твоя рыба. Окунь, – одобрительно сказал папа.

Вскоре за первым окунем последовал второй, затем третий. Они были маленькие, и их я также с легкостью перекидывал через себя, на дорогу. Папа всякий раз терпеливо поднимался наверх, снимал с крючка перепуганную рыбешку, наживлял удочку и забрасывал обратно.

Вскоре наступил вечер, и окуньки клевать перестали. Я было заскучал и захотел домой, но вдруг! Мой поплавок принялся энергично подпрыгивать, пуская по воде частые круги, а после, словно потеряв силы от безумного танца, опрокинулся навзничь. Пока я пытался сообразить, что происходит, поплавок вдруг ожил, поплыл куда-то в сторону и потянул за собой леску. Я испугался, подхватил удочку и с размаха дернул.

Силы оказались неравными. С одной стороны я, маленький, щуплый ребенок, а с другой, норовя затащить в свою стихию, билась и неистово сопротивлялась матерая рыбина. Поскользнувшись, я упал у кромки воды и, намертво вцепившись дрожащими руками в удилище, пронзительно закричал:

– Папа! Папа!

Папа, что-то колдующий у своих донок и поначалу не заметивший беды, одним прыжком оказался рядом и стал вытаскивать рыбу прямо за леску. А я, не выпуская из рук, тянул за удилище. С горем пополам, вдвоем, мы вытащили огромного леща! Рыбина не помещалась в пакет, и папа, протянув через ее жабры тесемку, соорудил кукан и опустил улов в воду.

Я чувствовал себя героем! Мой путь в рыболовное братство сразу начался с поимки рекордной рыбы! Даже те папины лещи, что он привозил прежде, теперь казались мне пустяковыми и ничтожными по сравнению с моей добычей.

Поимка леща странным образом отразилась и на моем поведении. Течение все так же монотонно шевелило поплавок, но теперь мне всякий раз казалось, будто у меня снова клюет. Я дергал свою удочку ежеминутно. Вскоре папе надоело пересаживать червяков, порванных в результате неумелых подсечек, и он сделал мне замечание.

– Подсекать надо, Миша, когда уверен. Настоящий рыбак должен иметь терпение.

... Поплавок зашевелился и быстро ушел под воду. Я схватил удочку, но в этот момент поплавок вынырнул и сразу же неожиданно замер, притих.

«Нет, не буду вытаскивать, – подумал я, – а то папа снова станет ругаться»...

Не клевало. Я затаив дыхание наблюдал за диковинными стрекозами, которые, стрекоча крыльями, будто голубые вертолеты кружили над поплавком, по очереди присаживаясь на вершинку. А потом еще долго смотрел на лягушку, что притаилась в прибрежной траве, поджидая свою добычу. Откуда-то из-под моих сапог вылезла огромная черная пиявка и поползла к воде. Я брезгливо отдернул ногу.

– Миша, что же это ты ловить перестал? А ну-ко давай удочку твою проверим.

Папа приподнял удочку над водой. А там...

Пока я разглядывал пиявок и прочую живность, у меня клюнул и сам попался на крючок огромный полосатый окунь. Окунь устал и уже совсем не сопротивлялся. В ожидании своей участи, он давно успокоился и прилег у дна. Я был расстроен. Ведь эта красивая рыбина тоже должна была стать моей добычей! А так ее выудил папа.

– Солнце заходит, Миша. Рыба больше клевать не будет. Давай-ко собираться.

С тех пор прошло много лет. Но навсегда врезались в память яркие впечатления той самой первой рыбалки, как мы вдвоем с невероятным азартом вытаскивали огромного леща...

«Лужа»

Мой дед рано схоронил бабушку и с тех пор жил один в небольшом домишке с печным отоплением. Заготовкой дров на зиму обычно занимались зятья – мой папа с дядей Лешей. Иногда они брали с собой в лес и меня.

Однажды, собираясь в очередную поездку, дядя Леша вдруг скомандовал:

– Пускай Мишка удочку возьмет, и, пока мы лес пилим, рыбки на уху наловит.

Лесная делянка, выделенная для заготовки дров, находилась за Хромцовским карьером. Мой папа в то время работал неподалеку на большом новом самосвале марки «КаМАЗ». На нем мы и отправились в лес.

Оставив машину на опушке, пошли пешком к озеру. По пути дядя Леша рассказывал удивительные истории. А я раскрывши рот слушал рассказы о том, что озеро то – заколдованное, полное неразрешимых загадок и тайн, что водится в его окрестностях нечистая сила, способная доставить человеку немало неприятностей и бед.

Что стояла тут в стародавние времена деревянная церковь, в которой жили и молились Богу монахи–старообрядцы. Иногда тех монахов навещали крестьяне из окрестных деревень. Носили им еду, а взамен получали какие–то нехитрые бытовые изделия, сделанные заботливыми монашескими руками да пожелание божьего благословения на добрые дела. Но как–то раз, в один прекрасный день вместе с последним отшельником сгинула та церковь в черной пучине озера, не оставив после себя ни следа.

А еще говорят, что озеро то бездонное. Как–то в старину местные мужики, желая определить глубину, спускали с лодки тяжелый камень, привязанный к длинной веревке, но ничего у них не вышло. Вот и постановили тогда, что нет у озера дна, что вместо него – какая–то непонятная жидкая торфяная субстанция.

Рассказывают, будто бы озеро соединено подземными тоннелями с другими водоемами – Высоковским озером, Малуевскими карьерами – бывшими торфоразработками, речкой Колбаской и Уводьским морем–водохранилищем. Что в озере водятся сомы и гигантские черные щуки, нападающие на все живое, попадающее в их поле зрения; огромные колючие окуни и толстобочие темно–желтые лини.

Я с беспокойством посмотрел на свою хлипкую бамбуковую «двухколенку» – выдержит ли?

Мы шли по едва заметной лесной дороге, по обеим сторонам которой росли огромные папоротники да болотные хвощи, и казалось, еще чуть–чуть – и мы попадем в царство к лешему или набредем на старую лесную избушку сказочной Бабы–Яги...

Дорога то расходилась в разные стороны извилистыми тропинками–рукавами, то пересекала рукотворные прямолинейные просеки, сделанные для обозначения каких–то лесных участков, то соединялась с другими мало хожеными тропинками. Дядя Леша уверенно шел вперед и продолжал рассказывать.

– Году в шисят восьмом это было. Отдыхали мы тогда с друзьями на берегу озера. Костерок, вино... А я между делом выломал в орешнике прут, смастерил удочку. Закинул, удилище в берег воткнул и отошел к костру. Когда опомнился, глядь – а удочки–то и нет! Уплыла моя удочка. Пришлось мне раздеться и заныривать за ней. Зато та–акого линя поймал! Во!

Дядя Леша широко развел руками.

Дорога резко пошла вниз. Спуск был настолько крутой, что ноги не слушались, и нам приходилось хвататься за ветки, чтобы не поскользнуться и не упасть. Внизу оказался красивый сосновый бор. Корабельные сосны с прямыми как на подбор стволами величаво покачивались в такт южному ветру. Дорога в этом месте делала большую петлю, поэтому мы свернули с нее и пошли напрямик через сосняк по еле заметному проходу.

Оно появилось внезапно. Неожиданно сказочный лес расступился, и мы увидели Его!

Озеро показалось мне огромным и ужасным. Сильный ветер гнал по темной воде высокую волну, а я, маленький и беззащитный, вцепившись что было сил в свою детскую удочку, замер на краю леса и ошалевшими глазами впился в страшную черную пучину.

Озеро, словно не желая делиться ни с кем своими тайнами, отделилось от твердого берега огромной зыбкой сплавной, местами открытой, зловеще чернеющей на фоне мягкого зеленого ковра. Торфяное болото, окружившее озеро со всех сторон, казалось совершенно непреодолимой преградой для тех, кто хотел бы прикоснуться к его девственной чистоте. Старые сухие стволы деревьев, торчащие из болотного мха, дополняли ощущение сказочности и волшебства.

Стало понятно, что порыбачить на озере сегодня не суждено. Мы просто не сможем пробраться к воде через болотную трясику.

Никогда не унывающий дядя Леша быстро нашел выход и предложил порыбачить в «луже». Есть, говорит, тут такое интересное местечко. Оказалось, что лужей он называл небольшую мелководную заводь, которая располагалась в протоке, вытекавшей с северо-западной части озера. Лужа была такой маленькой, что я с легкостью закинул удочку прямо к противоположному берегу.

Взрослые ушли, оставив меня около лужи наедине с чарующим, волшебным лесом. Где-то на другой стороне болота бушевали волны таинственного бездонного озера, а здесь, в луже, ничто не нарушало сказочную идиллию и безмятежность.

Я насадил на крючок небольшого червячка и принялся ждать. Меня охватила небывалая эйфория и какое-то особое трепетное чувство исследователя, ощущающего близость неминуемого открытия. Что же за рыба здесь водится?

Но время шло, а рыба все не клевала. Казалось, что мой поплавок застыл навсегда у зеленого листа кувшинки с красивым желтым цветком.

Как это часто случается, внезапная поклевка застала меня врасплох. Удобно устроившись под старой кривой березой, я почти задремал, но через полуоткрытые глаза успел заметить, как поплавок без предупреждения стремительно рванул ко дну. Поскользнувшись и чуть не упав в воду, я схватил удочку и выбросил на берег небольшого черного окунька, больше похожего на головешку от не прогоревшего полена из бабкиной печки. Крючок вместе с грузилом оказался проглочен этим наглым голодным существом, и стоило немалых усилий, чтобы его освободить из глубокой окуневой пасти.

Вслед за первым окуньком последовали еще три. Всякий раз они жадно заглатывали наживку, совершенно не опасаясь быть пойманными. Окуньки были некрасивыми, черными-пречерными. Их отталкивающая внешность вызывала чувство брезгливости. Эффектный окуневый наряд, состоящий из красочных экстравагантных полос по бокам тела и ярко-красных плавников, характерный для обычных речных окуней, напрочь отсутствовал у здешних обитателей.

Лишенные привычной роскоши черные окуневые одеяния больше походили на скромную, непритязательную одежду навсегда покинувших суетный мир и поселившихся в непроходимой глуши монахов-аскетов. А наша затерянная среди лесов и болот невзрачная «лужа» служила им неприметной лесной обителью. Будто бы души живших здесь когда-то черных монахов воплотились в этих мрачных непритязательных обитателей маленькой лужи.

Клев прекратился едва начавшись. Поплавок снова прилепился к листу кувшинки, а я, развалившись на травке возле березы, напрочь оторвался от реальности, наслаждаясь неопишуемой окружающей красотой. Блаженствуя, я совсем потерял счет времени и чуть не проспал очередную поклевку.

Мой поплавок вдруг ни с того ни с сего «заплясал», но привычного резкого нырка под воду на сей раз не случилось. Он чуть приподнялся, напыжился, словно молодой петушок, и неторопливо, вальяжно поплыл к противоположному берегу.

Я дернул за удочку и... закричал что было сил:

– А–а–а!!!!

На крючке, противно извиваясь из стороны в сторону, висела большая черная змея! Я дрожащими руками, со всего маху выкинул ее на берег. Мой крючок находился где-то в бездонных недрах змеиной утробы, а я не то чтобы попытаться его вытащить, даже подойти боялся, держась на приличном расстоянии от своего улова. Пойманная змея извивалась в траве и... тихонько пищала.

Немного успокоившись, я взял ведро с окунями и, держа удочку с извивающейся змеей на вытянутой руке, отправился искать папу. Для ребенка, впервые оказавшегося в лесу, это был смелый и вместе с тем безумный поступок. Когда я понял, что заблудился, заплакал и принялся отчаянно звать на помощь:

– Па–а–па! Па–а–а–а–па–а–а!!!

На счастье, папа с дядей Лешей услышали мой крик.

Дядя Леша взял змею в руки и удовлетворенно заметил:

– Да это ж вьюн! Для уха самая лучшая рыба!

Достав перочинный ножичек, он деловито вспорол жалобно пищавшему вьюну живот, из которого вместе с внутренностями вывалился мой крючок и большая лента ярко–оранжевой икры.

Папа отвел меня назад, к луже. И я, приладив на крючок червяка, со знанием дела забросил наживку прямо к своей кувшинке. На этот раз поклевка не заставила себя долго ждать, и вот уже очередная «змея», тихонько попискивая, извивалась на крючке. А за ней еще. И еще.

Уха из вьюнов, приготовленная на костре, и вправду оказалась необычайно вкусной.

Озеро. Первая рыбалка.

Неудержимая страсть к познанию, жажда приключений живет, наверное, в каждом мальчишке. И я ничем не отличался от других ребят. Волшебное озеро, полное мистики и чудес, навсегда поселилось в душе начинающего рыболова.

Мой папа оказался не меньшим романтиком, и потому в один прекрасный день мы отправились в магазин, чтобы купить резиновую лодку. Лодку, на которой мы станем исследовать озеро и раскрывать его тайны...

Выбор резиновых лодок в наших «Спорттоварах» оказался небольшим. Собственно говоря, их было всего две: зеленый овальной формы «Нырок» и черная, с правильными геометрическими очертаниями «Омега». Мы выбрали «Омегу», и она на долгие годы стала нашей надежной спутницей в рыболовных путешествиях.

Из-за малодоступности (к озеру не было пригодных дорог), его берега были необитаемы и потому сумели сохранить свою первозданную чистоту. В месте, где мы остановились на ночлег, сквозь сфагновое болото к чистым водам озера проходила открытая протока, по краям которой плотной стеной стоял высокий камыш.

Протока была очень узкая, и наша лодка с трудом протискивалась сквозь зеленый ковер из плавающих водных растений, огибая сухие стволы деревьев, зловеще торчащих из болотной трясины. Стайки полосатых окуней при нашем приближении бросались в разные стороны, скрываясь под сплавинами.

Вдруг камыш неожиданно расступился, и перед нами предстала вся неопишуемая красота водного мира. Вода в озере, издали пугавшая своей чернотой, оказалась необыкновенно чистой и прозрачной. Перед нами, как на ладони, открылась вся удивительная жизнь подводного царства. В толще воды я увидел стайки все тех же полосатых окуней, которые в отличие от своих собратьев из узкой протоки, при нашем приближении не бросались врассыпную, а без всякой опаски с удивлением рассматривали надвигавшуюся на них большую черную тень лодки.

Сколько же тут рыбы!

Первым делом было решено измерить глубину у края сплавины. Для этого я соединил бамбуковые части своей «двухколенки» и вертикально опустил в воду получившееся двухметровое удилище.

– Папа! Дна нет! Не достаю дна-то!

Мы медленно плыли вдоль зыбкого берега, образованного толщей плавающей растительности, состоящей в основном из торфяного мха – сфагнома. Я сидел, а вернее полулежал на носу лодки и, затаив дыхание, всматривался в таинственные глубины озера. Там, внизу под нами, жила по своим законам другая цивилизация, жители которой едва ли догадывались о существовании нашего, «верхнего» мира.

Вскоре показалась еще одна протока, соединявшая озеро с берегом. В ней угадывались правильные геометрические очертания, а по краям торчали из воды остовы рукотворных свай.

Здесь при царе–батюшке располагался причал с лодками и купальнями, а неподалеку на пригорке стояла охотничья избушка купца Лосева. С тех пор народная молва так и окрестила наше озеро Лосевским.

А то еще старики говорили... Рассказывали, что между обитателями Лосевского озера и Высоковского, расположенного неподалеку, налажена таинственная связь. И если щука в озере Высоковском имеет обычную светлую окраску, то щука «лосевская» – наоборот, абсолютно черная. Что как–то раз из Высоковского озера вытянули мужики неводом огромную черную «лосевскую» щуку, внутри которой нашли драгоценности. Высказывали даже предположение, что где–то в мрачных глубинах Лосевского озера спрятаны сокровища бывших середских купцов...

Вечерело. Минуя прибрежные заросли кубышек и кувшинок с красивыми желтыми и белыми цветками, мы направились к середине озера. Здесь сквозь толщу воды уже не было видно следов кипучей жизни подводного мира, но периодически то тут, то там всплескивали и с шумом исчезали в черной бездне озера какие–то неведомые рыбы, стоящие прямо у поверхности.

И вот уж вечернее солнце скрылось за макушками деревьев, и тотчас, словно по команде, замолкли птицы, замерли озерные обитатели. Только всплеск лодочных весел нарушал безмятежное спокойствие загадочного озера. Казалось, что все живое застыло под страхом появления ночного властителя мироздания.

Наступившая ночь, вопреки ожиданию, оказалась довольно шумной. Где–то за лесом рявкали, отдавая неразборчивые команды, громкоговорители. Ревели «погибельным рогом», с лязгом вгрызаясь в землю, карьерные экскаваторы.

Спать совсем не хотелось. Мы сидели у костра, тихонько разговаривали и мечтали. На дворе стоял 1980–й год, и казалось, что впереди у нас долгая, безоблачная, счастливая жизнь...

***

Утром, как только забрезжил рассвет, в озере закипела жизнь. К берегу вышли кормиться мирные рыбы. С громким чавканьем они охотно пожирали прибрежную траву, не гнушаясь прилипшими к ней прозрачными пиявками и жучками. В азарте охоты небольшая щука–травянка «свечкой» вылетела из воды и с шумом плюхнулась обратно.

Еще с вечера я заметил посреди прибрежных водорослей небольшое чистое окошко, по краям которого замысловатой каймой разбредлись по водной глади широкие листья кувшинок. Кое–как привязав лодку к их жестким стеблям, мы принялись снаряжать удочки. На этот раз вместо традиционных красных червяков мной было заготовлено кое–что особенное.

Наживку, которая намечалась к использованию, я подсмотрел однажды у ребят, что ловили на городской речке огромных желтоватых окуней. Таких больших окуней я тогда увидел впервые. Их огромные, блестящие темно–зеленые глаза были размером с хорошую пуговицу, что хранились в маминой шкатулке, а крепкая шкура, покрытая жесткой колючей чешуей, походила на настоящую броню.

Мальчишки не скрывали своих секретов и рассказали, что крупные окуни ловятся на маленьких блестящих рыбок, что в огромных количествах водятся во всяком городском пруду. Рыбка–верховка – вечная спутница карася, всегда голодная, отлично ловилась на самый малюсенький крючок с подсадкой хлебного мякиша. Единственным, но очень существенным недо-

статком верховки было то, что рыбка засыпала практически сразу после поимки и в качестве полноценного живца считалась малопригодной. На речке этот недостаток частично компенсировался естественным движением воды. Течение шевелило мертвую рыбку, придавая ей ритмичные колебания, провоцирующие хищного окуня на хватку. Иногда верховкой соблазнялись даже небольшие щуки.

Щучья поклевка принципиально отличалась от окуневой. Небольшие щурята, цепко удерживая наживку в пасти, усеянной многочисленными мелкими зубами, сначала старались уплыть в укрытие и уже там в уединении и спокойствии поглощали свою добычу. Поплавок сначала плыл по поверхности воды вслед за щукой и только потом, когда щука приступала к трапезе, неторопливо погружался в воду. А вот окуни хватали жадно и не мешкая проглатывали поживу. Поплавок моментально скрывался под водой, и уж тут рыбаку медлить было нельзя никак.

Сегодня в моем бидоне лежала целая пригоршня маленьких верховок. Выбрав самую красивую, покрытую по бокам мелкими серебристыми блестками–чешуйками, с осторожностью, чтобы не повредить, не сбить чешуйки раньше времени и не испортить природную красоту, прилаживаю рыбку на крючок.

Однако напрасны, тщетны были мои усилия. Мы просидели в лодке все утро, но хищная рыба никак не проявила себя, наотрез отказавшись от предложенного ей угощения. Не сработала, казалось бы, самая передовая, самая лучшая моя идея.

Вот уже взошло солнце, и щуцы всплески стали раздаваться все реже. Стало понятно, что утренняя рыбья трапеза подошла к концу.

Мы было собрались на берег, как вдруг спящий поплавок неожиданно ожил и медленно поплыл вдоль лодки. Случилось то, чего я с таким нетерпением ожидал все утро.

«Спешить не нужно. Как только он доплывет вон до той кувшинки, тогда и поташу», – прошептал я.

Увы, поплавок так и не добрался до намеченной точки. Постепенно начав замедляться, он, остановившись на полпути, окончательно замер. Стало понятно, что случилось непоправимое – рыбе не понравилось мое угощение, а я опоздал с подсечкой.

«Эх, ну что же ты! Надо же было раньше!» – досадовал я. А на глаза уже наворачивались горькие детские слезы. Первая рыбалка на сказочном озере заканчивалась ужасно.

Мы плыли к берегу, а я, маленький первооткрыватель с мокрыми от слез глазами, всматривался в темные воды в надежде, что волшебное озеро сжалится и раскроет мне напоследок хотя бы одну из своих тайн.

Вот малюсенький щуренок–сеголеток, прятаящийся под большим листом кувшинки, поняв, что его обнаружили, резко взмахнул хвостом и, с глухим бульканьем пустив по поверхности воды несколько пузырей, молнией кинулся прочь. А вот стайка каких–то рыб плавает рядом с лодкой и, кажется, совсем нас не боится.

– Пап, давай здесь встанем. Попробуем их изловить, – прошептал я, боясь спугнуть рыбацкую удачу.

Я успел заметить, что рыбки не были одеты в полосатый окуневый наряд:

«Это не окуни. Скорее всего, это мирная рыба, а значит, хлебушек будет им хорошей наживкой».

Я достал из кармана корочку хлеба от недоеденного утреннего завтрака. Обмакнул в воду, а затем размял в руках, словно пластилин, получившийся колобок. Шансы изловить небольших мирных рыб на огромный крючок были невелики. Но вошедшему в раж настоящему исследователю ничто не может служить помехой на пути познания.

Рыбки с жадностью набрасывались на хлебный мякиш, а поплавок в бешеном танце подпрыгивал на воде, нырял и метался из стороны в сторону. Я то и дело дергал удочку, но ни одна рыбка так и не засекалась на большущем крючке.

Мы вернулись к костру и за кружкой ароматного чая принялись делиться впечатлениями и обсуждать сделанные открытия. Первое, что приятно удивило, это необычайно прозрачная вода озера. Никогда еще не приходилось встречать водоемов с такой прозрачной, кристально-чистой водой, в которой жизнью подводных обитателей можно любоваться даже на очень большой глубине. А еще мы сошлись во мнении, что дно у озера все-таки есть, потому что в прибрежной полосе растут водяные и полуводяные растения, корни которых должны находиться в грунте. Открытым остался лишь вопрос о глубине в центре озера.

Озеро. Подготовка к новой рыбалке.

В школе я с восторгом поделился с одноклассниками впечатлениями от поездки на сказочное озеро. Никто из ребят ранее ничего не слышал о нем и никогда не бывал в тех краях. И только Славка Трофимов задумчиво произнес:

– Лосевское? Я знаю. Это где церковь утонула. А щуки там та–акие, что могут и под воду утянуть.

Все знали, что Славка известный балабол, но ведь схожие истории сказывали и вполне взрослые дядьки.

Дома меня поджидал сюрприз. Папа где–то раздобыл удивительную книжку. Эта книжка, ставшая на долгие годы моим букварем и рыболовным учебником, зачитанная до дыр, называлась «Жизнь и ловля пресноводных рыб». Ее автором был ученый–биолог, дворянин Леонид Павлович Сабанеев. Книга написана красивым русским литературным языком 19 века, с присущими тому времени выражениями и изысканными оборотами.

Советское издание книги было весьма неполным. В нем опубликованы только отдельные главы из настоящей книги Сабанеева, касающиеся лишь некоторых основных видов пресноводных рыб России. Книга начиналась с рассказа об окуне, способах лова, насадок и прочем, но наибольший интерес вызвал раздел о щуке.

Поимка щуки, нашей пресноводной акулы, – мечта всякого маленького рыболова. А поимка гигантской черной щуки Лосевского озера тем более.

Повествование Сабанеева о щуке начиналось с перечисления самых монструозных экземпляров, выловленных в России и за ее пределами. Чего стоит только рассказ об исторической щуке немецкого императора Фридриха II Барбароссы, длина которой, по утверждению Сабанеева, составляла почти 6 метров при весе в 145 килограммов. Я читал, изумлялся и пытался представить, какие же исполины могут обитать на неведомых глубинах нашего озера.

Было заметно, что папа тоже не на шутку увлекся, с головой погрузившись в размышления о разнообразии здешней ихтиофауны. Ловля щуки описана Сабанеевым очень детально, с перечислением всех известных в конце 19 века способов. Наибольший интерес вызвала у нас так называемая пассивная ловля – рыбалка на так называемые «поставушки», к которым относятся кружки и жерлицы.

Сам принцип ловли на них с той поры несколько не изменился, несмотря на явные улучшения внешнего вида снастей, случившиеся уже в 21 веке и связанные с появлением современных материалов и технологий. Впрочем, в последующие годы я ни разу так и не поддался соблазну, не пытался осовременить щучьи снасти, а всякий раз использовал только классический «сабанеевский» вариант – самый простой, доступный и уловистый.

Поскольку в рыболовных магазинах сабанеевские щучьи снасти не продавались, мы решили изготовить их самостоятельно.

Первым делом из небольшого куса твердого пенопласта выпилили четыре неказистых диска диаметром приблизительно пятнадцать сантиметров и толщиной около двух. По торцу вырезали неглубокий желоб, на который намотали леску. К леске через небольшой карабин–вертлюжок прикрепили металлический поводок для защиты снасти от острых щучьих зубов. В центре диска просверлили отверстие, в которое вставили небольшую конусообразную палочку с прорезью для фиксации лески. Получившаяся снасть работала просто.

При поклевке кружок переворачивался, леска вылетала из прорези и щука сматывала ее, не чувствуя никакого сопротивления. Затем, успокоившись, приступала к трапезе. Крючок, прилаженный к живцу особым способом, не доставлял пресноводной акуле видимых неудобств. Ее костистая пасть не могла распознать крючок, в результате чего он вместе с карабиком попадал рыбине прямо в желудок, и уж тогда–то освободиться от него не было ни малей-

шего шанса. В момент, когда леска на кружке заканчивалась, происходила самоподсечка, и щука оказывалась на крючке.

Сообразив что попалась, рыбина начинала предпринимать активные попытки освободиться от застрявшего в утробе крючка. Часто эти попытки выглядели очень эффектно. Словно желая проверить на прочность ненавистную снасть, щука выпрыгивала из воды, трясла головой, исполняя при этом самые немыслимые кульбиты и свечки, сопровождающиеся оглушительными всплесками. Рыболов, ослепленный азартом, влетал в лодку и что есть мочи греб к месту кровавого действия в надежде, что успеет. В надежде, что выдержит снасть, в надежде, что щука в аффекте, оглушенная болью, не выплюнет из пасти собственный желудок вместе с ненавистным крючком (такое тоже бывало).

А мне поначалу было жаль пойманную щуку. Ведь она как могла боролась за свободу, боролась за жизнь и, по всему получалось, что мы, пользуясь своим эволюционным превосходством, несли ей безвременную смерть. Между тем, жалость моя длилась недолго. Азарт и животный инстинкт охотника брали верх, и вот я уже широко развожу руки, весело рассказывая друзьям о загубленных щучьих жизнях...

Но не только проблемы, связанные с дефицитом товаров в магазинах, существовали в моем далеком детстве. Перед нами встал неразрешимый вопрос: где взять еще больше твердого пенопласта, чтобы изготовить новые кружки? Мы, конечно, пробовали мастерить их «посабанеевски», из дерева. Но изделия получались слишком громоздкими и неповоротливыми. В конце концов пришлось отказаться от этой затеи и ловить только на четыре маленьких некачественных кружка, что были изготовлены с самого начала.

Отсутствие достаточного для хорошей рыбалки количества кружков было решено восполнить изготовлением жерлиц–рогулек. Благо, что исходный материал для их монтажа можно было найти в любом придорожном кустарнике. Оснастка жерлицы аналогична оснастке кружка с той лишь разницей, что намотка лески осуществляется на рогульку «восьмеркой» с последующей фиксацией в расщепе.

Неожиданной проблемой стало полное отсутствие в магазинах крючков–двойников, без которых пассивная ловля на поставушки теряла всякий смысл. При насадке живца способом «за спинку» или «за губу» щука быстро накалывалась на оголенное острие крючка и, если не следовала немедленная подсечка, обычно успевала выплюнуть его и освободиться. Двойной же крючок аккуратно надевался на продетый под жабры живца поводок и незаметно прятался во рту рыбы. Щука при поклевке не чувствовала его присутствия до того момента, пока он не оказывался в желудке. Поэтому холостых поклевок в этом случае было немного.

Чтобы разжиться двойниками, пришлось проявить изобретательность и смекалку. В магазине рыболовных товаров были в то время в продаже огромные крючки–тройники. Едва ли в наших водоемах ловилась настолько большая рыба, на которую можно было бы их применить, но советские заводы выполняли и перевыполняли спущенный кем–то план, безрассудно штампуя такие крючки в огромных количествах. В магазине, по понятной причине, они спросом не пользовались и пылились на витринах годами.

Советский тройной крючок был изготовлен из обычного двойного, к которому дополнительно припаивался одинарный. Нам с папой предстояло выполнить обратное действие. Нужно было как–то разделить магазинный «тройник» на части, чтобы получить из него крючок–двойняшку. Для этого мы докрасна нагревали на газовой конфорке магазинный тройник, а затем при помощи плоскогубцев и приложения недюжинной силы пытались оторвать одинарный крючок и разорвать спаянные части двойного. Получалось плохо. Крючки гнулись, ломались, тупились, перегревались, становились хрупкими. Или наоборот, металл после естественного охлаждения «отпускался», и крючки становились мягкими, малопригодными для рыбалки. После бесчисленного количества экспериментов и испорченных «тройников» нам удалось–таки изготовить немного двойных крючков. Но что это были за крючки! Огромные,

страшные, с рваными краями и деформациями от плоскогубцев, со следами от пайки. Но мы все равно были счастливы.

Озеро. Новая рыбалка

Дорога к нашему озеру была не из простых. На рейсовом автобусе мы доезжали до поселка Хромцово, а затем несколько километров через карьер и лес, петляя по тропкам и колеям от лесовозов, ежеминутно рискуя сбиться с пути, добирались до места. Из-за таких сложностей даже самые азартные рыболовы не жаловали озеро, и потому непуганая рыба всегда была готова с жадностью и охотой хватать любую наживку без опасения быть пойманной.

На новую рыбалку отправились втроем. Дядя Володя (папин брат) всю дорогу сыпал шутками и развлекал нас всякими смешными историями, былями и небылицами. Однако несмотря на то, что за разговорами время пролетело незаметно, на сей раз мы пришли к озеру довольно поздно. И чтобы не остаться без ужина, решили перво-наперво порыбачить, изловить что-нибудь на уху, а заготовкой дров и разбивкой лагеря заняться позднее. Кроме того, с вечера нужно попробовать выставить наши новые снасти – кружки и жерлицы.

Рыбалка началась с небольшого приключения, давшего пищу для размышлений об опасных ловушках на подступах к озеру, которые подстерегают всякого, отважившегося подобраться к чистой воде. Пока мы с папой готовили лодку и загружали снасти, неугомонный дядя Володя решил в одиночку пробраться через болото и начать рыбалку. Через некоторое время мы услышали крик, но не придали этому никакого значения, решив, что наш нетерпеливый рыболов уже что-то поймал и зовет нас, чтобы похвастаться. Когда же мы преодолели протоку и выплыли к озеру, то увидели как дядя Володя, тяжело дыша, по пояс в трясине, бредет словно ледокол, рассекая корпусом мутную болотную жижу в поисках твердого берега.

Оказалось, что он провалился в болото и звал нас на помощь. А мы-то и не поняли, подумали, что клюет... Кое-как, при помощи лодки и весел, помогли нашему рыбаку-неудачнику выбраться на крепкое место.

Снасти на щуку расставили по кромке прибрежных водорослей. Живцы-карасики, почуяв опасность, тотчас попрятались в траве, утащив за собой и кружки. И как бы мы ни

старались поставить их на тихое, открытое место, все повторялось вновь. Карасики все время норовили укрыться в прибрежной траве и там, запутавшись в водорослях, стояли не шелохнувшись, понимая, что только так они и могут спастись, ведь хищник не станет атаковать неподвижный объект.

С жерлицами–рогульками дело обстояло проще. Кол, к которому была привязана жерлица, мы не втыкали в дно, как это рекомендовал Сабанеев (да и как его еще найти, дно–то?), а пускали в свободное плавание по поверхности воды. При этом другой конец кола заводили в траву, которая таким образом играла роль импровизированного якоря. Получалось, что кол, запутанный одним концом в траве, удерживал жерлицу, привязанную с другой стороны, на открытом месте. В результате такой постановки живец–карасик уже не мог укрыться в водорослях и покорно плавал в чистой воде на виду у обитателей озера, смиренно ожидая своей участи. Единственным недостатком данного способа было то, что попавшаяся щука могла таскать кол за собой по всему озеру. Однако, учитывая, что деревянный кол утонуть не сможет, мы разумно предполагали, что всегда сумеем разыскать его, плавающего на поверхности воды, и достать добычу. В последующем выяснилось, что поиски уплывшего кола – занятие весьма эмоциональное и увлекательное.

Проплывая вдоль кромки прибрежной растительности, мы заметили торчавшие из берега крепкие шесты–удилища. По всей видимости, на них устанавливают свои жерлицы местные рыболовы. В этом есть определенный резон, поскольку у берега, под плавающими островками и сплавинами собирается огромное количество мелкой рыбешки. Здесь ей комфортно и сытно, поэтому хищник во время жора вслед за мелочью тоже устремляется к берегам. Мы разделили свои жерлицы, и часть из них, по примеру местных, тоже установили с берега. Жерлица рогулька висела над водой и была видна издали, тогда как щучью поклевку на жерлицу с плавающего кола можно увидеть только с близкого расстояния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.